

Глава 2. Кто и как развалил СССР

2.1 Где они, эти темпы?

В начале первой главы мы упомянули о еще одном устоявшемся представлении: о том, что экономика СССР развивалась быстрыми темпами.

Верно, так оно и было на определенном историческом этапе – на этапе первых пятилеток.

Об этом говорили не только цифры советской статистики (как известно, имевшей тенденцию приукрашивать картину), но реальные факты: рост городов, заводов, электростанций, прокладка железных дорог и каналов, лес подъемных кранов над бесчисленными стройками.

Поскольку западные страны кредитов тогда не давали (в ответ на отказ СССР выплачивать долги царской России), а «свои» капиталисты были загнаны в эмиграцию или в лагеря, средства на инвестиции добывались из так называемых социалистических накоплений, а проще – за счет завышенных цен на промышленную продукцию, поставляемую сельскому хозяйству, чем окончательно его разоряли.

Высокие темпы, отражавшие прежде всего развитие промышленности (колхозно-совхозное сельское хозяйство за три четверти века так и не смогло даже стать на ноги), - эти темпы были связаны с наличием огромных резервов рабочей силы в сельских местностях: люди десятками миллионов снимались из разоренных социалистической коллективизацией деревень и сел и переезжали в поисках лучшей жизни в города, на стройки. Другой источник рабочей силы, причем относительно дешевой - ГУЛАГ. Миллионы заключенных, ссыльных строили каналы, электростанции, заводы и фабрики, добывали лес и руду. Все так называемые «Великие стройки коммунизма», о которых знала страна, все секретные атомные заводы и рудники (о которых

страна ничего не знала), даже высотное здание Московского университета возведены на их костях.⁵

Все это в условиях жесткого централизованного управления позволяло концентрировать финансовые и человеческие ресурсы страны на ключевых направлениях. А ими считались прежде всего военно-промышленный комплекс и сопряженные с ним базовые отрасли тяжелой промышленности.

Но низкая эффективность производства, низкая производительность подневольного труда, а также постепенное истощение природных богатств (выработка наиболее доступных месторождений сырья и топлива) - все это приводило к тому, что *каждый новый процент экономического роста стал даваться все с большими затратами труда и других ресурсов*. Темпы роста в 50-60-е годы начали замедляться, и вскоре настало время, когда это уже не удавалось скрыть никакими ухищрениями статистиков. Вот как развивался этот процесс в последние десятилетия существования СССР. Для большей наглядности приводим два ряда цифр: первый по официальным источникам (верхняя строка), другой - по расчетам Василия Селюнина и Григория Ханина, авторов нашумевшей в свое время статьи "Лукавая цифра"⁶ (нижняя строка). Это среднегодовые показатели (проценты) роста материального производства по пятилеткам:

1961-65	1966-70	1971-75	1976-80	1981-85	1986-90
6,5	7,8	5,7	4,3	3,6	2,4
4,4	4,1	3,2	1,0	0,6	-

⁵ Это не образное выражение, отнюдь. Председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ Александр Яковлев официально сообщил 29 октября 2001 года следующие данные: в лагерях НКВД ежегодно умирали от 20 до 27% заключенных (особенно дети в возрасте до 5 лет, которых тысячами отправляли в лагеря вместе с родителями). Всего около 10 миллионов человек погибли в годы сталинских репрессий. Яковлев сообщил, что более 4 млн жертв политических репрессий было реабилитировано после смерти И.Сталина в 1953 г., но эта цифра была неполной: работа комиссии, сказал он, продолжается.

(<http://hghltd.yandex.com/yandbtm?url=http%3A//www.kommersant.ru/lenta/html%3...>)

⁶ Новый мир, 1987 г. № 2, с.с. 194-195.

В литературе существует много временных рядов подобного рода, их рассчитывали в свое время аналитики Всемирного банка, ЦРУ и других западных учреждений. Они несколько различаются в деталях, но все до одного свидетельствуют о *затухании темпов* экономического роста в последние десятилетия существования Советского Союза. Лишь на недолгое время удалось приостановить казавшееся неизбежным падение жизненного уровня людей - благодаря открытию богатых залежей нефти в Сибири (и по совпадению - росту мировых цен на нефть) в начале 70-х гг. За нефtedолллары закупались и привозились в страну миллионы тонн продовольствия, товаров потребления, а также оборудования.

Экономический анализ показывал, что сложившаяся структура экономики оказалась неспособной к самовоспроизводству. Начиная примерно с 70-х годов капиталовложений не хватало даже для простого поддержания производственного аппарата.

Разумеется, это означало еще только падение темпов прироста, еще не кризис, хотя тенденция становилась все более очевидной. Действительный и довольно резкий *спад производства* начался в 1990 году, когда валовой национальный продукт, валовой общественный продукт, произведенный национальный доход, продукция промышленности, продукция сельского хозяйства, ввод в действие основных фондов и общей площади жилых домов и ряд других обобщающих показателей оказался на два – три, даже на пять процентов ниже соответствующих показателей 1989 года. Это уже были первые раскаты грома. *Кризис же разразился в следующем, 1991 году - кризис настоящий.* И если коммунисты, критикуя российских реформаторов, говорят о том, что либерализация цен с 2 января 1992 года привела к падению производства чуть ли не наполовину, то следует напомнить: *в последнем квартале 1991 года производство уже упало на 21% по отношению к соответствующему периоду 1990-го и, значит, на целую четверть по*

отношению к высшей точке, которая была достигнута в 1989 году. Иными словами, прямую вину за существенную долю экономического спада, наступившего в девяностые годы - практически около половины! - коммунисты должны принять на себя.

Окно 2

Соревнование двух систем

Послевоенная история поставила своего рода чистый эксперимент. Приведем таблицу, которую полезно усвоить каждому, кто все еще сомневается в правоте “демократов”, повторяет миф о «неоспоримых преимуществах социализма перед капитализмом» и пытается повернуть историю вспять.. Вот к каким результатам пришли две системы к 1991 году, последнему году существования социализма в ряде стран Европы и Азии*:

Валовой внутренний продукт на душу населения (в долларах США 1993 г.)

Западная Германия ¹	20908
Восточная Германия	11076
Финляндия	16477
Эстония	5973
Южная Корея	9507
Северная Корея	640-2500 (предположительно)
Австрия	18784
Чехия	9100

Все эти страны начинали свой путь после второй мировой войны с примерно равных рубежей. И всюду страна с социалистической экономикой далеко отстала от своего “близнеца” с рыночной экономикой, и всюду уровень жизни ее населения оказался несравнимо ниже. Нужны ли более

убедительные доказательства безусловного проигрыша социализма в его историческом соревновании с капитализмом?

* Россия в меняющемся мире. Под ред. А.Илларионова.(Издание Института экономического анализа), 1997, Москва.. Часть уточненных данных дополнительно предоставлена тем же институтом).

** 1989 г. - последний год раздельного существования двух Германий

Конечно, руководители коммунистической партии пытались преодолеть наметившееся падение темпов экономического роста, снижение эффективности общественного производства, понимая, что оно грозит самому существованию режима. Но это оказалось делом чрезвычайно трудным, какие бы частные улучшения системы ни придумывались. (Достаточно вспомнить знаменитые реформы 60-х годов, названные Косыгинскими. Как показано во Введении к этой книжке, начатые с большим шумом, они были очень быстро свернуты.) Причем для СССР в силу сложившихся обстоятельств - делом даже более трудным, чем для многих других социалистических стран. Если не сказать - практически невозможным. Все это, вкупе с событиями в Чехословакии, где попытки экономических реформ привели к политической дестабилизации режима, побудило руководство ЦК КПСС к концу 60-х годов вообще отказаться от серьезных экономических преобразований. Казалось, что богатая ресурсная база (прежде всего - нефть и газ, которые шли на продажу), устойчивость сложившейся структуры экономики и тоталитарный политический контроль гарантировали СССР и его восточноевропейской империи долгосрочную устойчивость - хотя бы и при низких или нулевых темпах экономического роста. Впрочем, и для поддержания таких темпов в условиях, когда внутренние возможности саморазвития экономики резко ослабли, требовались немалые усилия и затраты.

Некоторые экономисты полагают, что в последние два десятилетия существования СССР имелась еще возможность более разумно использовать нефтяные деньги для обеспечения безболезненного выхода из социализма,

запуска рыночных регуляторов (переход к новой системе неизбежно потребовал бы времени и ресурсов). Но это сделано не было.

Перенапряжение системы начало сказываться уже в начале 80-х годов. Например, несмотря на продолжавшийся быстрый рост капиталовложений в топливно-энергетический комплекс (в 1985 они в два раза превысили уровень 1975 года) и соответствующее увеличение доли ТЭК в общем объеме капиталовложений, рост добычи нефти остановился: 1980 - 603 млн. т, 1985 - 595 млн. т. Причем в силу колебания мировых цен на нефть стоимостной объем ее экспорта, достигнув максимума в 1983 году (91,4 млрд. дол.), начал сокращаться (в 1985 году - 86,7 млрд. дол.).

Собственно, с этого времени и был запущен механизм развала экономической, а за ней и политической системы социализма и, следовательно, резкого падения объемов производства и уровня жизни советского населения.

2.2 Михаил Горбачев. Безнадежная попытка спасения

Таким образом, в 1985 году, когда к руководству страной пришел М.Горбачев, ее экономическое положение лишь на первый, поверхностный взгляд казалось “застойно” прочным. На деле все обстояло намного хуже. Главное, многое теперь зависело от факторов, которые от советского руководства никак не зависели, - например, от мировой конъюнктуры на топливных рынках или открытия новых высокоэффективных месторождений нефти и газа. Стало труднее привлекать долгосрочные и достаточно дешевые кредиты на мировых финансовых рынках. Оставалось только одно: попытаться вновь обратиться к внутренним возможностям, которые, как казалось, не все еще были исчерпаны.

Логику действий Горбачева как реформатора определяла сложившаяся к середине 80-х годов концепция так называемого «совершенствования хозяйственного механизма страны». Ее разрабатывали в основном ученые-

экономисты прогрессивного крыла экономической науки (тут можно назвать имена академиков Н.Федоренко, А.Аганбегяна, А.Анчишкина, Н.Петракова, С.Шаталина, Ю.Яременко, а также ряда представителей более молодого поколения экономистов, в том числе ставших впоследствии знаковыми фигурами эпохи радикальных реформ – например, Е.Гайдара и Г.Явлинского).

Поделюсь личным воспоминанием. В те годы мне выпала честь быть членом Сводной рабочей группы по разработке Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий (ее возглавлял вице-президент АН СССР Владимир Александрович Котельников), и я очень хорошо помню, в каких творческих муках, острой научной полемике рождался важнейший раздел этой программы, основные положения которого и вошли в то, что потом стали называть программой совершенствования хозяйственного механизма. Характерно, что решающим доводом против включения того или иного радикального предложения в текст зачастую было пресловутое «наверху не поймут!» Так и писали, сами держа себя за руку...

Теперь, оглядываясь в прошлое, и главное, зная, что в этом прошлом происходило на самом деле, можно дать объективную оценку этой программе, не только ее достоинствам, но и недостаткам.

Это была программа осторожных рыночных преобразований, так или иначе описываемых термином “рыночный социализм”, хотя на использование его и было наложено строжайшее табу. Неоднократно звучавшая критика этой программы за ее ограниченность и непоследовательность не может отменить, однако, того факта, что это была *единственная* на тот момент программа, на которую могло опереться новое советское руководство, взявшее курс на реформы.

И оно попыталось было ее реализовать.

Нельзя не отметить большую популярность - на первых порах - нового руководства. Оно гордилось своей популярностью, было склонно

преувеличивать свои силы и возможности, пытаясь то совмещать экономически несовместимое, то объявлять о готовности решить сложнейшие социальные проблемы за считанные месяцы. Например, правительство обещало быстро поднять благосостояние населения и одновременно собиралось увеличить долю накопления в национальном доходе сразу на 3 процентных пункта - вещи, по существу, взаимоисключающие. (Поясню, почему: национальный доход делится на фонд накопления и фонд потребления; увеличив долю первого, вы неизбежно уменьшите второй). Оно развернуло приснопамятную антиалкогольную кампанию, но при благих намерениях получилось «как всегда»: был в значительной мере дестабилизирован потребительский рынок, а государственный бюджет лишился значительной доли денежных поступлений.

Основными компонентами принятой концепции были: расширение самостоятельности предприятий (перевод их на полный хозрасчет, самофинансирование и частичное самоуправление), развитие индивидуальной и кооперативной форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме совместных предприятий. Противоречия этой программы достаточно подробно описаны в российской и зарубежной экономической литературе. Затрону лишь наиболее существенные моменты.

Прежде всего, оказалось, что расширение прав предприятий (за что ратовали несколько поколений советских экономистов и производителей, стремившихся этим преодолеть характерную для социализма скованность, безынициативность и технический консерватизм предприятий) сразу же обернулось тем, что коллективы стремились больше средств направлять себе на зарплату и другие подобные цели, и меньше - на капитальные вложения, то есть развитие производства. В результате, количество денег в стране стало возрастать значительно быстрее, чем количество товаров на прилавках (об этом нам придется еще говорить подробнее). К тому же был осуществлен так называемый «комплекс мер по повышению роли трудовых коллективов», а

проще - введена выборность директорского корпуса. Казалось бы, что может быть демократичнее? На самом деле эта мера имела даже двойной негативный эффект — как экономический, так и социальный.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда директора предприятий практически освободились от контроля со стороны государственной бюрократии (в определенной мере выполнявшей по отношению к ним функции собственника), но не попали под контроль ни реального частного собственника, ни рынка (последнее при сохранении товарного дефицита было практически невозможно). Поэтому почти каждый из них стал рассматривать завод, фабрику, комбинат как свою вотчину – и принимать решения, идущие порой во вред производству.

Большим событием надо считать принятие *Закона о кооперации* (май 1988 г.) - им впервые была пробита брешь в монополии государственной собственности (правда, несколько раньше был принят *Закон об индивидуальной трудовой деятельности*, однако странное его сочетание с развернувшейся практически тогда же кампанией против так называемых нетрудовых доходов резко снизило значение этого документа). В кооперативе было признано реальное частное предприятие. Такие фирмы стали плодиться как грибы, появилось и множество кооперативных коммерческих банков. Не были, однако созданы достаточно четкие правовые ограничения, предотвращающие возможности криминального сотрудничества кооперативов и госпредприятий, состоявших “на полном хозрасчете”. Более того, издавались инструкции, которые даже требовали создавать кооперативы при государственных предприятиях. По-видимому, авторы их предполагали, что при этом будет обеспечен какой-то «государственный» контроль над «ненадежными частниками». Оказалось же, что именно директора, поголовно «доверенные» члены партии, стали плодить в своих корыстных интересах «кооперативы», переводя на них и самое лучшее оборудование своих предприятий, и помещения, и финансовые потоки. Словом, началось то, что

позднее получило название *номенклатурной приватизации* (а в народе получило хлесткое обозначение *прихватизации*).

Первоначальные результаты политики М.Горбачева были противоречивы. С одной стороны, удалось в последний раз задействовать мобилизационный потенциал, которым когда-то славилась советская система, — объемные, валовые показатели стали несколько улучшаться. Но, с другой стороны, более внимательный анализ показывал, что положительная динамика объемных показателей чревата глубоким кризисом. Последнее было видно прежде всего по данным о динамике валютных резервов СССР, быстрому снижению стоимости рубля, которое впервые за несколько десятилетий было признано официально — введением специального, “туристического” курса (будучи в 10 раз ниже официального курса Госбанка, он правильнее отражал реальные соотношения в стоимости валют). О негативных сдвигах свидетельствовало и резкое усиление разрыва между ростом доходов населения и производством товаров (особенно начиная с 1988 года), ухудшение торгового баланса и ситуации с внешним долгом СССР.

Некоторые полагают, что М. Горбачев еще в 1989 году имел возможность ужесточить экономический режим, осуществив ряд непопулярных мер (например, повысив потребительские цены, чтобы привести рынок в равновесие, увеличив сбор налогов и др.) и тем самым удержать экономику страны от краха. Это было бы, как говорят либеральные экономисты, «ответственной макроэкономической политикой». Между тем, ситуация была существенно иной: как ни парадоксально, *развитие демократии в тот момент препятствовало проведению такой политики*. Уже в первой половине 1989 года правительство попало под жесткий контроль избранного демократическим путем депутатского корпуса, в котором по понятным причинам доминировали популистские настроения. М.Горбачев и его правительство просто не могли бы решительно выступить против них, если намеревались остаться у власти.

Наиболее очевидной и наиболее болезненной была проблема цен. Товарный рынок разрушался - во многом, как указывалось, в результате непродуманного расширения прав предприятий и их коллективов. Неудержимо росли зарплаты, а производство в лучшем случае не сокращалось. Поскольку предприятия завышали оптовые цены, а розничные оставались на прежнем уровне, государство вынуждено было все более увеличивать расходы на субсидии - это оказывало давление на бюджет... После продолжительных колебаний, правительство решило действовать в духе времени, то есть демократически, - поручив премьеру Н.Рыжкову «посоветоваться с народом». Дело кончилось конфузом: народ воспринял вопрос как завуалированное сообщение о предстоящем повышении цен и бросился в магазины, и без того полупустые. Обнаружив, что от былой популярности не осталось и следа, правительство отложило пересмотр цен, и стало ясно, что *это* правительство на такой шаг больше не решится.

Чувствуя, что теряет авторитет у населения, правительство начало принимать популистские решения, вполне осознавая их экономическую опасность.

Наиболее ярко это проявлялось в противостоянии союзной и республиканских властей в 1990-1991 годах, когда экономика становилась заложницей политической борьбы и в монолитном, как казалось, режиме стали проявляться первые трещины. *В наши дни много дискутируют о том, кто «развалил Советский Союз», винят кого угодно: Горбачева, ЦРУ, фантастический «жидо-масонский заговор», а ответ – вот он: развалили Союз сами коммунисты. Не рядовые, конечно, а руководящие - самые, казалось бы, проверенные и перепроверенные.* И началось это с экономики: Союзные республики (читай - Центральные комитеты республиканских компартий) отказывались перечислять налоги в Центр и настаивали на переходе к так называемой одноканальной системе (республика собирает все налоги сама и лишь определенную часть средств переводит в центр), но при

этом требовали усиления собственного контроля за расходами руководства СССР. А некоторые из них, воспользовавшись слабостью союзного руководства, еще в 1990 году *стали заявлять о независимости своих республик* от Союза (Эстония, Грузия и др.), о выходе своих компартий из КПСС (Литва). Обратите внимание: *именно руководители республиканских компартий стали президентами большинства объявивших свою независимость республик. Уже один этот факт говорит о том, кто в действительности развалил Союз...*

Очень острой и может быть, особенно пагубной для экономики страны оказалась борьба за налоговую базу, то есть за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Например, стремясь заручиться поддержкой предприятий, правительства СССР и России, как бы соревнуясь друг с другом, принимали решения о снижении ставки налогов для тех, кто будет находиться в их юрисдикции. Много денег ни союзному, ни республиканскому бюджетам это не дало, но вконец подорвало государственную дисциплину предприятий, способствовало росту цен и привело ко многим другим отрицательным последствиям. Союзное правительство все больше теряло контроль над государственным бюджетом страны.

Аналогично развивалась ситуация в сельском хозяйстве. Осенью 1990 года Совет Министров СССР в целях преодоления товарного дефицита повысил закупочные цены на продовольствие. Однако оказалось, что это только уменьшило приток товаров на рынок, поскольку подорвало интерес сельскохозяйственных производителей к продаже своей продукции (для обслуживания текущего оборота и уплаты налогов теперь хватало и меньшего количества продаваемых продуктов). Интересно, что аналогичное решение было принято Временным правительством России летом 1917 года, и судьба этого правительства хорошо известна.

Особенно остро шли дискуссии между центром и руководителями республик о том, кто возьмет на себя политическую ответственность за такую неизбежную, хотя и непопулярную меру, как повышение розничных цен (о сколько-нибудь серьезной либерализации цен говорить тогда не решался никто). Союзное правительство пыталось склонить руководителей республик к принятию совместного решения, от чего последние категорически отказывались. В конечном счете, оно вынуждено было сделать это самостоятельно весной 1991 года, причем лишь после замены премьер-министра (Н.Рыжкова сменил В.Павлов).

Параллельно в стране началась подлинная *война программ* выхода из кризиса и экономических реформ. Разные органы власти и связанные с влиятельными политиками группы экономистов активно занялись разработкой такого рода документов. Наиболее типичной для этого времени стала официальная программа союзного правительства, подготовленная под руководством Л.Абалкина (ее еще называли программой Рыжкова-Абалкина). Признав возможность трех вариантов проведения антикризисных мероприятий и осуществления рыночных реформ (радикально-либерального, умеренного и консервативного), авторы программы заявили о своей приверженности, естественно, второму пути. Умеренный вариант отрицал, с одной стороны, быстрое вхождение в рынок через либерализацию и приватизацию, а с другой - консервацию экономических отношений и усиление административных начал в управлении хозяйством. Казалось, этот путь избегал крайностей и, как и должно быть с “научно разработанными планами”, обещал наиболее плавное и наименее болезненное вступление в новое, рыночное состояние общества.

Параллельно с программой Рыжкова—Абалкина в СССР формировались другие подходы к преодолению кризиса. В частности, к началу 90-х годов политикам был предложен рыночно-либеральный вариант действий, основными компонентами которого были открытое признание необходимости

приватизации собственности и в той или иной форме — либерализации цен. Наиболее четкое выражение эти позиции нашли в подготовленной под руководством С.Шаталина и Г.Явлинского программе “Пятьсот дней” (осень 1990 года) и в программе рыночных реформ Е.Гайдара и его единомышленников (осень 1991 года).

Эти программы различались вовсе не так кардинально, как может показаться из-за многолетнего противостояния Гайдара и Явлинского. Они вовсе не предлагали противоположные пути стабилизации и вхождения в рынок. Различия, конечно, были, но они во многом были обусловлены разным временем разработки программ и соответственно, разной целевой задачей. Программа “Пятьсот дней” разрабатывалась без особых надежд на немедленную практическую реализацию и рассматривалась скорее как политический манифест российских властей, склонных демонстрировать свой “рыночно-демократический” характер. А, например, обещание провести реформы “без снижения жизненного уровня” и таким путем, чтобы от них выиграли все, носило явно популистский характер. Напротив, программа Е.Гайдара формировалась в условиях, когда союзный центр уже рухнул и политическая ответственность оказалась переложеной на российские власти; теперь они были вынуждены решительно действовать, реально бороться с кризисом. Соответственно, взятая ими на вооружение концепция носила более практический, можно сказать даже технократический характер. Например, Г.Явлинский предлагал начинать с приватизации, что соответствовало теории и должно было смягчить либерализационный шок. Е.Гайдар опирался на мировой опыт, включая уже имевшийся тогда опыт ряда посткоммунистических стран, ни одной из которых не удавалось осуществить реформы “по теории”, и потому в качестве первого шага реформ им была предложена либерализация цен.

Первая практическая попытка реализации более или менее последовательной антикризисной программы была предпринята в начале

1991 года после отставки Н.Рыжкова и формирования Кабинета министров В.Павлова. По своему политическому характеру это было довольно независимое от Президента Горбачева правительство, опиравшееся на поддержку консервативных сил во властных структурах и на некоторые консервативные слои общества. Сам М.Горбачев, после колебаний между разными политическими группировками, решил сделать ставку на консервативное (как ему представлялось, не реакционное) крыло в КПСС и советском руководстве. С ними он пошел по пути так называемой “административной стабилизации”.

Новое правительство попыталось продемонстрировать свою готовность к решительному наведению порядка, предприняв ряд достаточно бессмысленных, но политически громких шагов: от попыток усмирения национальных движений (события в Вильнюсе и Риге) до обмена крупных денежных купюр (известная денежная реформа Павлова - Геращенко). Официально был провозглашен курс на поддержку военно-промышленных отраслей и вообще отечественного машиностроения, правительство делало странные политические заявления, вроде обвинения ряда западных банков в скупке советской валюты. За этим последовало давно ожидавшееся повышение цен, которое в сложившихся условиях все же не смогло стать шагом к стабилизации товарного рынка. Законодателям был предложен ряд законопроектов, сочетавших намерение следовать курсу на “регулируемое рыночное хозяйство” и стремление законсервировать сложившуюся советскую систему.

И, наконец, была предпринята попытка государственного переворота 19 августа 1991 года. Формально его лозунгами были: консолидация власти, стабильность, патриотизм. Причем характерно, что в воззвании, с которым обратился к народу пресловутый ГКЧП, практически не было набившей оскомину социалистической или коммунистической риторики - авторы, по-видимому, осознавали, насколько сильны были в обществе демократические

настроения, понимание того, что советский строй изжил себя и обречен на историческое забвение.

Поражение ГКЧП привело к окончательному распаду СССР: после этого республики одна за другой стали провозглашать свою независимость (как упоминалось, Эстония, Латвия, Литва, Грузия и Армения сделали это еще в конце 1990 г). *Состоявшиеся в декабре Беловежские соглашения лишь зафиксировали свершившийся факт - и не более того...* Союзный государственный аппарат разлагался. Попытки воссоздать союзные структуры в лице Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. Туда не перешли ни кадры, ни ресурсы, ни функции бывших союзных министерств и ведомств. При этом в очевидный тупик зашли переговоры с руководствами бывших республик СССР о путях возможной трансформации Союза, о согласованных реформах, проведении общей политики хотя бы в наиболее важных областях. Политико-экономические траектории бывших союзных республик все больше и больше расходились. Одни из них, прежде всего республики Прибалтики, довольно решительно выбирали путь радикальных социально-экономических преобразований. Другие пытались либо вовсе избежать радикальных реформ, либо по крайней мере максимально отсрочить и смягчить их.

Для России поражение августовского путча означало и поражение “административной стабилизации”. Между тем, экономическая ситуация все более обострялась. *Единственной моделью, которая оставалась практически не опробованной и которая отвечала радикальным настроениям момента, была либерально рыночная модель экономики. Она не была дискредитирована политически и опиралась на достаточно широкую общественную поддержку.*

Опросы общественного мнения говорили о разочаровании горбачевской перестройкой, а также о готовности значительной части населения, уставшего от нерешительности и колебаний власти, воспринять радикальные шаги,

нацеленные на нормализацию экономической ситуации. Правда, результаты опросов свидетельствовали о своеобразном, двусмысленном отношении к перспективам предлагавшегося курса. Большинство опрошенных выражало готовность пойти на временное ухудшение своего положения, поддержку частной собственности и рынка, но, с другой стороны, было против свободы цен. Однако личная популярность августовского триумфатора Б.Н.Ельцина в каком-то смысле развеивала сомнения и служила дополнительным фактором политической поддержки населением программы радикальных рыночных реформ. В пользу этой программы свидетельствовал и опыт Польши, к тому времени уже в течение двух лет осуществлявшей схожий комплекс мер.

На пятом Съезде народных депутатов РСФСР (октябрь-ноябрь 1991 г.) решение по докладу Б.Ельцина о предстоящей рыночной реформе было принято подавляющим большинством голосов. Тогда вряд ли кто-либо мог с точностью предсказать, как пойдет реформа, какие силы будут ей препятствовать и сколько времени она продлится. Но в конечном успехе у авторов реформы сомнения не было. *“Сейчас будет решаться, что за страной будет Россия в наступающие годы и десятилетия”* — заявил президент страны. И это пророчество оправдалось в полной мере.

2.3. У роковой черты. Тайна одного доклада

Все это говорит о том, что кризис российской экономики разразился вовсе не по вине демократов, как утверждают сегодня коммунисты (и некоторые другие оппоненты). *Кризис был подготовлен всей экономической историей страны за три четверти века, явился закономерным следствием экономической политики той партии, правопреемниками и последователями которой они себя считают.*

Своего апогея этот кризис достиг в 1990-91 годах, когда полки магазинов окончательно опустели, государственных запасов продовольствия оставалось

буквально на несколько дней и встревоженные народы Запада начали кампанию по сбору и доставке в голодную Россию так называемой гуманитарной помощи.

Все это не случайно. Уже за несколько последних лет перед реформой снабжение населения было полностью дезорганизовано, во многих областях и республиках продукты выдавались по карточкам. А в ряде мест и по карточкам ничего не было. Еще в 1988 г. (обратите внимание на эту дату!) проводилось обследование, показавшее, что *из 211 учитываемых групп продовольственных товаров можно было надежно приобрести только 23.* Это означает, что одних товаров просто не было в магазинах, другие изредка появлялись и за ними надо было выстаивать многочасовые очереди, третьи были выставлены на прилавках, но купить их можно было только по карточкам, талонам или спискам и т.п. Газета «Деловой мир» вплоть до конца 1991 года регулярно публиковала статистические сводки, свидетельствовавшие об отсутствии необходимых населению продуктов на прилавках магазинов в крупных городах страны. Что уж говорить о мелких городах, поселках или деревнях!

Обо всем этом теперь известно не только по публикациям того времени, но и по многочисленным документам: позднее рассекреченным сообщениям местных партийных органов в ЦК КПСС, докладам местных органов КГБ.⁷ Правда, есть немало людей, которые стараются по возможности не вспоминать, затушевывать реальные факты - иначе рушатся все их теоретические конструкции (если говорить об ученых - экономистах, противниках так называемой «шоковой» терапии) и политические лозунги

⁷ Кстати, трудно допустить, что об этих докладах не знал тогдашний член коллегии КГБ и даже начальник аналитического управления этого ведомства Николай Леонов, который, вспоминая 1991 год, утверждал, будто бы такие товары, как молоко, масло, сметана и другие «... всегда имелись на прилавках магазинов» (!!). (книга названного автора «Крестный путь России. 1991-2000», часть 1, размещенная в интернете). Может быть, автор вспоминал закрытые «распределители» или буфеты Лубянки? Или он просто рассчитывает на забывчивость читателя? Не могу судить...

(если иметь в виду политиков, делавших свои карьеры на безудержной критике «гайдаровских» реформ).

Вот слова из выступления известного экономиста академика Л.Абалкина на заседании ученого совета Института экономики в сентябре 1991 года, приведенные (по магнитофонной записи) в одной из моих статей в газете «Деловой мир» от 25 сентября 1991 года: «...если в течение максимум двух месяцев не будут проведены чрезвычайные меры по стабилизации финансово-денежного положения в стране, то нас ожидает социальный взрыв, в сравнении с которым то, что происходило в августе, это, извините, не более чем вечер бальных танцев». Далее Леонид Иванович обрисовал пугающую картину: «Уже сегодня в Тюмени, не получая зерна, вынуждены были закрыть все птицефабрики, вырезать часть поголовья скота...», «... на улицы выйдут сотни тысяч голодных, лишенных работы людей». Как видно из слов академика, он опирался при этом на доклад сотрудника института О.Л.Роговой, из которого вытекало: «...нам дается срок два месяца, после чего наступит развал экономики, коллапс».

«Ясно, заключил Л.И.Абалкин, что сегодня требуются незамедлительные действия. Иначе, пока мы будем составлять проекты и концепции, их некому будет читать».

Впоследствии именно акад. Л.И.Абалкин возглавил теоретическое наступление против «шоковой терапии», за так называемый градуалистский, или эволюционный, то есть постепенный переход от централизованно управляемой социалистической экономики к рынку. Как увязать его широко известные выступления против «шоковой терапии» и призывы к постепенности, осторожности и т.п. в проведении рыночных реформ с требованиями принятия «чрезвычайных мер по стабилизации», «немедленных действий»? (Сегодня Леонид Иванович может сказать, что имел в виду не рыночные реформы, а иной «комплекс мер», но в том-то и штука, что все иные меры к спасению уже были испытаны - и

безрезультатно!). Наверное, не случайно, что когда в разгар научных дискуссий о шоковых и градуалистских методах реформирования экономики (это было примерно пять лет спустя), я надумал перечитать текст доклада, его не удалось найти ни в дирекции института, ни у самой О.Л.Роговой. Публицист Отто Лацис, рассказав об этом эпизоде в одной из своих статей в газете «Известия», сокрушался: «Даже ученые... настолько забыли тревогу тех осенних дней девяносто первого, что не позаботились сохранить интересный документ». Думается, что он ошибался. Все-таки дело не в забывчивости...

Не, это не случайно, как не случайно и то, например, что много лет под грифом «Секретно» скрывались от глаз общественности такие документы, как доклад вице-преьера последнего кабинета министров СССР В.Щербакова, посланный Михаилу Горбачеву, где на фактах предсказывалась экономическая катастрофа к концу 1991 года, как информация Внешэкономбанка СССР о фактическом валютном банкротстве страны и много других очень ценных для понимания ситуации того времени исторических источников.

А политико-экономическую ситуацию в стране к концу 1991 года действительно можно было без всяких натяжек охарактеризовать как катастрофическую. За один лишь год национальный доход снизился более чем на 11 процентов, валовой внутренний продукт - на 13, промышленное производство - на 2,8, сельскохозяйственное - на 4,5, добыча нефти и угля - на 11, выплавка чугуна - на 17, производство пищевой продукции - более, чем на 10 процентов. Валовой сбор зерна сократился на 24, а его государственные закупки - на 34 процента.

Особенно сильно сократился внешнеторговый оборот - на 37 процентов, причем объем экспорта сократился на 35, а импорта - на 46 процентов.

Напротив, все «денежные» показатели существенно выросли. Прибыль предприятий в номинальном исчислении увеличилась в 1,9 раза, денежные доходы населения - в 2 раза, выпуск денег в обращение - в 4,4 раза. Уровень

потребительских цен увеличился более чем в два с половиной раза (на 162 %), что было совершенно не свойственно социалистической экономике - годом раньше рост цен составил всего 5 процентов.

Внешний долг СССР увеличился до 76 миллиардов долларов. Золото-валютные резервы резко сократились и впервые за все время существования государства золотой запас составил менее 300 т (289,6 т. на 1 января 1992 г.). Недостаток валютных поступлений от централизованного экспорта на оплату централизованного импорта и погашение внешнего долга составил за 10 месяцев 1991 г. (до формирования правительства реформ Ельцина-Гайдара) 10,6 миллиарда долларов. Для покрытия этого дефицита последнее союзное правительство продало часть золотого запаса на 3,4 миллиарда долларов и растратило валютные средства предприятий, организаций, местных органов власти, хранившиеся на счетах Внешэкономбанка СССР, на 5,5 миллиарда долларов. Само собой, значительная часть вкладов индивидуальных вкладчиков в Сберегательных кассах была изъята для пополнения таявшего государственного бюджета (это прямо признается в мемуарах бывшего председателя Госплана СССР Н.Байбакова).

Был полностью утрачен контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Растущая долларизация экономики, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, административные ограничения межрегионального товарообмена. - все это свидетельствовало о фактическом развале денежной системы страны. Для России особое значение имел тот факт, что другие республики бывшего СССР в это время начали вводить у себя фактические заменители денег (талоны, карточки покупателей, многоразовые купоны т. п.), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) - готовиться к введению полноценных национальных валют. Это увеличивало денежную массу в обращении и выталкивало ее на территорию России, усугубляя здесь финансовую ситуацию.

Дефицит государственного бюджета увеличился по сравнению с запланированным на 1991 год в 6 раз и достиг, по оценке авторов книги «Экономика переходного периода», примерно 21 процента ВВП (как сумма дефицитов союзного бюджета и бюджета Российской Федерации)⁸. Из-за того, что республики прекратили переводить деньги союзному правительству, финансирование федеральных служб, внешнеполитической деятельности, армии, спецслужб практически полностью легло на плечи бюджета Российской Федерации. При этом указанную оценку дефицита консолидированного государственного бюджета в 1991 г. следует, вероятно, считать минимальной. По оценкам же Мирового банка, которые исходили из расчета источников финансирования бюджетного дефицита (средства на счетах предприятий, сбережения населения, активный баланс внешних текущих счетов), бюджетный дефицит оказывается равным 30.9 % ВВП - цифра, почти невиданная в мировой финансовой истории.

Наконец, товарные запасы в розничной торговле к концу 1991 года сократились до рекордно низкой величины - 32 дня. Причем по мясу и рыбе - 10 дней, яйцам - 3 дня, маслу животному - 21 день, одежде - 35, обуви - 29, чулочно-носочным изделиям - 29 дней.

В результате рубль не имел не только золото-валютного, но и товарного обеспечения.

Наиболее наглядным образом описывает предреформенную социально-экономическую ситуацию положение с продовольственным снабжением городского населения (чтобы подчеркнуть социально-политическую важность этого аспекта, вспомним, что хлебный кризис февраля 1917 года в Петрограде стал непосредственной причиной свержения самодержавия). В результате полного развала всех звеньев и систем управления, продовольственное снабжение оказалось практически парализованным. Так, в январе 1992 года

⁸ Стоит пояснить, почему экономисты, как правило, исчисляют дефицит бюджета в процентах к ВВП, а не в номинальных цифрах, скажем, в миллионах рублей, долларов и т.п. Потому что

ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составили около 3 млн. т., в то время как продовольственные потребности страны составляли свыше 5 млн. т. в месяц. Более чем в 60 из 89 российских регионов не было вообще запасов продовольственного зерна, и выработку муки можно было осуществлять только “с колес”, то есть за счет немедленной переработки поступающего по импорту зерна. По расчетам, минимальный импорт зерна для этого должен был составлять порядка 3 млн. т. в месяц. По оценкам Росхлебопродукта, всего для России в первом полугодии 1992 г. должно было поступить 8,65 млн. т. зерна. Потребность же составляла 26 млн. т. Дефицит составлял 17,35 млн. т. в расчете на полугодие, что по стоимости соответствовало более чем 3 миллиардам долларов.

В то же время кризис золото-валютных резервов достиг такой остроты, что в ряде случаев корабли с импортным зерном стояли без разгрузки в российских портах, поскольку не было валюты, чтобы расплатиться за зерно, за транспортировку, за фрахт судов. И кредитов на это нельзя было получить, потому что за несколько предшествующих лет бывший СССР полностью растерял свою репутацию надежного заемщика ...

Но может быть, самым страшным был внешне неприметный факт, сообщенный Госснабом незадолго до конца года. Оказывается, Госснаб заключил...аж **0%** хозяйственных договоров (ноль процентов!) из числа предполагавшихся на следующий год. *Следовательно, вся система централизованного административного управления хозяйством перестала работать: наступил паралич.*

Повсеместно в городах страны была введена карточная система. В большинстве случаев нормы отпуска товаров к концу 1991 года были примерно такими: сахар - 1 кг на человека в месяц, мясопродуктов (включая субпродукты) - 0,5 кг, масло животное - 0,2 кг. И даже эти нормы не были обеспечены ресурсами, поэтому снабжение по ним не было гарантированным,

цена денег год от года меняется, особенно в периоды высокой инфляции.

талоны не отоваривались по несколько месяцев, реализация товаров по ним проходила с огромными очередями.

Таким образом, понятно, что радикальные реформы начались в условиях, когда глубокий экономический кризис уже разразился. Иными словами: *не кризис из-за реформ, как доказывает коммунистическая пропаганда, а как раз наоборот: реформы из-за кризиса социалистической системы, поставившего народы СССР перед угрозой самому государственному существованию, и более того - просто физическому существованию их на земле.*

Можно ли было в этих условиях рассчитывать на постепенные, медленные, осторожные меры по стабилизации экономического положения страны? Государство стояло у последней черты. Экономика погибала. Тут уже, по существу, было не до реформ: требовалась, как выразился один публицист, *реанимация экономики.*

Россию надо было спасать...